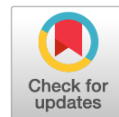

О мировоззренческом плюрализме, конкурирующих концепциях права и возможности разработки единой интегративной теории правопонимания: философский анализ проблемы

Мусаелян Л.А.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Пермского государственного национального исследовательского университета
E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

***Аннотация.** Философия исторически выполняла функцию метатеории права. Господствовавшее в каждую эпоху миропонимание определяло правопонимание и правоприменение. Упразднение в нашей стране в начале 90-х гг. государственного мировоззрения и идеологии помимо общепризнанного положительного эффекта имело и некоторые негативные последствия. Возникло множество конкурирующих теорий правопонимания, исчезло единое правовое пространство, получило распространение селективное право, нарушающее принципы равенства граждан перед законом и справедливости. Идея ученых-юристов о принятии интегративной теории права оказывается труднореализуемой в силу отсутствия единого признанного основания права. В статье предпринята попытка показать существование единого онтологического основания права, институционализация которого позволяет разрешить сложные проблемы современного правопонимания и правоприменения.*

***Ключевые слова:** философия, демократия, справедливость, свобода, человек, теория права, правопонимание, правовое пространство, онтологическое основание права.*

Право как основополагающий компонент культуры вбирает в себя ее наиболее значимые достижения, развивается вместе с ней и в то же время способствует легитимации тех ценностей и принципов поведения людей, которые обеспечивают устойчивое функционирование и развитие общества. Философия, изучающая общество, не может игнорировать эту чрезвычайно важную область человеческой деятельности. Именно поэтому философское осмысление права имеет многовековую историю. И по мере развития человечества, усложнения общественной жизни интерес философии к правовой реальности постоянно возрастал. В свою очередь, право связано с философией. Само понятие «право» своим существованием обязано философии. Оно изначально вырабатывалось философией наряду с такими понятиями, как «общество», «человек», «личность», «государство», «свобода», «справедливость» и т.д.¹ В своем развитии право всегда опиралась на философию, поскольку ее базовые проблемы: свобода, справедливость, равенство, ответственность, законность и другие являются в своей сущности философскими проблемами. Их разрешение уходит в область онтологии, антропологии, гносеологии, аксиологии и других философских дисциплин, которые в своей совокупности определяют структуру такой междисциплинарной науки, как философия права, выполняющей по отношению к теории государства и права, а через нее и к другим частным правовым наукам, методологическую функцию.

О связи права и философии свидетельствует вся история цивилизации. В каждую новую

историческую эпоху (Античность, Средневековье, Возрождение и т.д.) возникало фактически новое правопонимание, обусловленное господствующим миропониманием. И в недалеком прошлом, в советский период нашей истории, существующая в стране система права опиралась на марксистскую философию, которая официально признавалась в качестве господствующего мировоззрения. Общественные науки, в том числе и правовые дисциплины, вместе со своей методологической основой — философией — выступали в роли господствующей идеологии. Отмеченная историческая традиция зависимости правопонимания от миропонимания в постсоветской России оказалась нарушенной. Согласно ст. 13 Конституции РФ, в нашей стране отсутствует официально признанное господствующее (государственное) мировоззрение и идеология. Установление мировоззренческого и идеологического плюрализма оценивается политиками и учеными как важнейшее завоевание молодой российской демократии, освободившейся от коммунистического тоталитаризма. Бесспорно, монополия государства на истину трудно совмещается с принципом демократии, тем более что от имени государства говорят конкретные люди и далеко не всегда лучшие умы общества. Но, с другой стороны, при официальном отрицании в обществе господствующей (государственной) идеологии и мировоззрения закономерно возникают как минимум два вопроса.

Во-первых, если в стране существует Конституция и достаточно развитая правовая система, на которые опирается в своей деятельности государство, может ли в этом обществе отсутствовать государственная идеология? В классовом обществе

¹ См.: Иконников Г.И., Лященко В.П. Философия права. М., 2007. С. 140.

право вне идеологии — нонсенс. Деидеологизированное право — это право, которое не отражает ничьи интересы. Право, не выражающее интересы определенных социальных групп (слоев) населения, по определению не может выполнять свою основополагающую регулятивную функцию, ради которой оно и возникло. Можно, конечно, сказать, что право отражает интересы всего общества. В определенной степени это так, но лишь в определенной степени. Право, отражающее интересы исключительно всего населения, предполагает общество, где отсутствует социально-экономическая и социально-политическая стратификация. В этом случае государство, если вспомнить Ф. Энгельса, перестает быть публичной властью, отчужденной от народа. Власть подобного рода не нуждается в классическом институте права, поскольку она сама, выражая волю самоуправляемого народа, не является политическим институтом. Понятно, что существующие российские реалии находятся в кричащем противоречии с такими предположениями. Впрочем, вопрос об отсутствии у нас в стране государственной идеологии — тема отдельного обстоятельного дискурса.

Во-вторых, что выступает в качестве метатеории и методологии современного российского права? Очевидно, что те ценности, тот социальный идеал (личности, общества), который создается и утверждается через механизм права в немалой, если не в определяющей, степени зависит от метатеории права, от философско-мировоззренческих позиций правоведов, особенно тех, которые заняты теоретической деятельностью и законодательством. На какой философии базируется правовая политика власти или же она исходит из декларируемого мировоззренческого плюрализма, существующего в обществе? Мировоззренческий плюрализм определяет плюрализм в области правовой теории и в конечном счете правовой практики. Иначе говоря, разное миропонимание определяет разное правопонимание и правоприменение. И если подобное для разных социумов, представляющих различные исторические эпохи, можно считать нормальным явлением, то для одного и того же общества, не находящегося в состоянии межформационного сдвига, такая ситуация кажется немислимой. Тем не менее подобная сюрреалистическая правовая реальность сложилась в современной России. «Современная политико-правовая практика, — отмечает известный ученый-правовед В.М. Сырых, — служит эмпирическим обоснованием добродетели десятку различных правовых теорий и школ»². «У нас до сих пор нет единого правового пространства», — отмечает А.В. Малько³. Это и понятно: не может быть

единого правового пространства при методологическом (и мировоззренческом) плюрализме в теории и практике права. Между тем единое правовое пространство есть основополагающее условие эффективного управления страной. Но дело не только в этом. Отсутствие единого правового пространства, его однородности и изотропности является условием существования селективного права в России. Последнее свидетельствует о том, что в нашей стране отсутствует равенство граждан перед законом. Конечно, можно согласиться с тем, что нарушение этого принципа происходит часто по причине коррумпированности некоторых работников правоохранительных и правоприменительных органов, правового нигилизма, обусловленного низким профессионализмом субъектов права. Однако думается, что мировоззренческий и методологический плюрализм, определяющий плюрализм в сфере правоприменения, оказывается значимым фактором, порождающим указанные негативные явления. В этой связи представляется необходимым привести в качестве примера два резонансных уголовных дела из правовой практики последних лет, в которых рельефно проступают особенности российского правового пространства. Несколько лет назад три девицы с зияющими пробелами в детском воспитании перед объективами телекамер станцевали в православном храме. Несостоявшихся артисток арестовали. Два года шло следствие по этому «сложному» делу. Фигуранты выходки продолжали сидеть в тюрьме, в том числе та, у которой дома был маленький ребенок. Наконец состоялся суд. Одну из обвиняемых отпустили, двоих отправили отбывать срок в колонии. Столь жесткая реакция российской Фемиды на девиантный проступок группы Pussy rait, вероятно, можно объяснить тем, что она опиралась на теологическую концепцию правопонимания, согласно которой преступление против религии, от которой зависит жизнь вечная, является более тяжким грехом, чем преступление против государства. А вот пример преступления против государства. Молодая высокопоставленная чиновница посредством мошеннических схем умыкнула у государства 3 млрд рублей (первоначальная оценка нанесенного ущерба составляет 16 млрд рублей). Несмотря на тяжесть преступления, суд отнесся к мошеннице необъяснимо лояльно, ограничив ей свободу в период следствия домашним арестом, в то время как другие второстепенные фигуранты уголовного дела, через фирмы которых чиновница перепродавала государственное имущество, были помещены в тюрьму. Пока три года шло следствие, главный фигурант находилась под домашним арестом в своей тринадцатикомнатной квартире в центре Москвы в окружении слуг и персонального повара. Не обремененная стыдом и совестью, бывшая чиновница в течение трех лет разъезжала по столице, посещала бутики, снимала клипы,

² Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. Т. 1. М., 2004. С. 315.

³ Малько А.В. Каким быть законом XXI века? // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 32.

устраивала вернисажи своих картин. На суде государственный обвинитель потребовал наказание подсудимой восемь лет условно (?!). Решение суда — пять лет колонии. Новскоре экс-руководитель «Оборонсервиса», о которой говорила вся страна, была освобождена условно-досрочно, не отбыв наказания, кажется, и месяца. Заметим, непосредственный начальник мошенницы, без ведома которого, на наш взгляд, вряд ли его подчиненная могла проворачивать свои аферы, проходил на судебном процессе лишь в качестве свидетеля. Резонансное дело «Оборонсервиса», понятно, не добавило лавров ни чиновникам, ни тем более отечественной Фемиде.

Приведенные примеры, число которых любой, кто следит за деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов страны, может умножить, свидетельствует о том, что меч справедливого неотвратимого наказания за содеянное преступление нередко применяется избирательно. В этом одна из причин низкого доверия россиян к этим органам. Согласно европейским экспертным оценкам уровень доверия россиян к своей полиции и судебной-правовой системе один из самых низких в Европе⁴. Исследования «Левада-Центра» фактически подтверждают эти оценки. Социологические измерения показывают, что к числу самых неуважаемых профессий помимо политиков (36%) и чиновников (28%) населения страны также относят полицейских (29%), судей (17%), работников прокуратуры (16%), т.е. всех тех, от деятельности которых зависит справедливость в обществе⁵.

Социальное пространство нашей страны имеет крайне неоднородный и напряженный характер. Эта неоднородность существует как по вертикали, так и по горизонтали. Согласно международным оценкам, десятикратная величина децильного коэффициента в обществе является критичной. В России, по данным Росстата, критичная разница в доходах превышена в более чем в 1,6 раза. По неофициальным экспертным оценкам разрыв между бедными и богатыми, при котором возникают предпосылки политической нестабильности у нас в стране, превзойден в 4–5 раз⁶. Согласно данным международной финансовой корпорации Credit suisse group, 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех активов в стране, между тем 40% россиян считают, что они живут за чертой бедности⁷. Подобного неравенства и низкого уровня

жизни нет ни в одной стране со сравнимым показателем ВВП на душу населения. Если неравенство доходов определять по коэффициенту Джини, то и по этому измерителю Россия наряду с США является одной из самых несправедливых стран в мире⁸. Особенностью современной России являются также громадные разрывы по уровню экономического развития между регионами. Это дало основание академику Д.С. Львову сделать вывод о том, что страны Евросоюза имеют больше оснований считать себя одной страной, нежели Россия⁹. Единое право как признак государства помимо всего прочего выполняет интегративную функцию. Обеспечивая равенство граждан перед законом, отстаивая справедливость в обществе, право блокирует рост напряженности в социально неоднородном пространстве и предотвращает возникновение разрывов в нем. Другими словами, однородно и изотропное правовое пространство в условиях критично неоднородного социального пространства является важным фактором сохранения целостности государства. Очевидно, что при отсутствии единого правопонимания и правоприменения, т.е. при фрагментированности правового пространства, право не в состоянии выполнять интегративную функцию. Более того, фрагментированное правовое пространство, его неоднородность и неизотропность, усиливают напряженность в социальном пространстве страны, создавая угрозы возникновения разрывов и территориальной фрагментации. В отсутствие идеологических и политических скрепов, объединяющих полиэтничное, поликонфессиональное население на огромной территории России, указанные вызовы не являются абстрактными. Они достаточно реальны, если учитывать еще непубличную деятельность некоторых внешних сил, нацеленных на расчленение России. Таким образом, мировоззренческий (методологический) и идеологический плюрализм, считающийся крупным достижением постсоветской демократической России, способствовал формированию социальной реальности, не отвечающей фундаментальным принципам демократического общества — равенства всех перед законом и торжества справедливости. Указанное противоречие между демократическим выбором и антидемократическими последствиями не артикулируются и не замечаются отечественными правоведами. Эйфория от обретенной мировоззренческой, идеологической свободы, похоже, препятствует обнаружению связи между сложившейся фрагментированной, неоднородной, неизотропной правовой реальностью и возникшими перед страной новыми политическими вызовами, о которых говорилось выше.

⁴ См.: Беляева Л.А. Преодоление напряжений социального пространства — путь к консолидации общества // *Философские науки*. 2014. № 6. С. 20.

⁵ См.: Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // *СоцИс*. 2014. № 1. С. 17.

⁶ См.: Тарлавский В. Богач, бедняк. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745>.

⁷ См.: Примаков Е. 2013: тяжелые проблемы России // *Российская газета*. 15 янв. 2014. С. 5.

⁸ См.: Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М., 2015. С. 77.

⁹ См.: Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // *Журнал экономической теории*. 2007. № 1. С. 8.

Склонность юристов к дискуссиям, спорам — давно известный факт. В этом они, кажется, превзошли даже философов. Учитывая указанную особенность правоведов, основоположник классической немецкой философии ерничал над теми, которые все еще спорят относительно определения сущности права¹⁰. Сегодня, по истечении более двухсот лет, можно было бы немало удивить «кенигсбергского отшельника» тем, что активные изыскания в этой области продолжают. Отсюда и состояние современной юридической науки, где, по существу конкурируют несколько концепций права. Даже в определении одних и тех же теорий среди юристов нет единства. Так, если Н.Н. Вопленко и М.Н. Марченко называют нормативизмом систему норм, принимаемых и охраняемых государством¹¹, то В.М. Сырых то же самое определяет как юридический позитивизм¹², а О.Э. Лейст — как нормативный позитивизм¹³. В свою очередь, В.С. Нерсисянц такую трактовку именуется легистской¹⁴. В отличие от других ученых основоположник либертарной концепции права демонстрирует резко негативное отношение к юридическому позитивизму, характеризуя его «нормативным выражением авторитаризма»¹⁵.

Нет согласия среди юристов и относительно типологии правопонимания. Это понятие многие авторы считают интуитивно ясным, не утруждая себя никакими объяснениями его смысла и содержания. Кроме того, часто правопонимание понимается как нечто отличное от теорий права. Поэтому если в отношении количества концепций существующих в праве среди юристов сложился относительный консенсус, то этого нельзя сказать по поводу типов правопонимания. Так, В.С. Нерсисянц выделяет два типа правопонимания¹⁶, В. И. Червонюк — три¹⁷, В.П. Реутов — тоже три¹⁸, но другие, нежели предыдущий автор, О.В. Мартышин — четыре¹⁹, Н.И. Матузов и А.В. Малько — шесть²⁰. И этот ряд можно продолжить. Стало быть, в области правопонимания

у ученых-юристов существует не просто плюрализм, а полная неопределенность, называемая в простонародье чехардой. В этой ситуации ожидать эффективного функционирования действующего в стране права, по крайней мере, наивно. Как справедливо отмечает В.П. Реутов, проблема здесь состоит в том, что разные авторы для выделения типов правопонимания берут различные основания: философские воззрения, идеологические предпочтения и т.д.²¹

В научно-юридической литературе существуют различные оценки сложившейся ситуации в области теории права. Одни, ставя под сомнение преимущества плюрализма в правопонимании, полагают, что право — многофакторное явление, требующее интеграции разных концепций права²². Другие отрицают возможность интеграции разных теорий, опирающихся на различные основания, справедливо считая такой эклектический подход контрпродуктивным²³. С точки зрения третьих, существование разных типов правопонимания, опирающихся на различные философские теории, не только возможно, но и единственно правильно²⁴. Рельефно эта позиция выражена в работах В.П. Реутова. По мнению ученого, «правовая наука не может существовать в рамках моно-теории, она нуждается в плюрализме научных взглядов. Что же касается юридической практики и, в частности, проблем правоприменения, — продолжает В.П. Реутов, — то современный нормативизм является единственным подходом, который на сегодняшний день способен обеспечить действенную и реальную защиту законных прав и интересов субъектов права»²⁵. Конечно, дискуссии, споры являются важным условием и фактором развития науки. Науке противопоказан догматизм, но не в меньшей мере и релятивизм. Если теоретические разногласия и полемика относительно базовых понятий и проблем права продолжают сотни лет, то это отнюдь не свидетельствует о творческом развитии права, скорее, наоборот. Авторы, отстаивающие плюрализм мнений в теории и монистический подход в практике, как это следует из вышеприведенной цитаты, фак-

¹⁰ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 138–139.

¹¹ См.: Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 13; Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 19.

¹² См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание: в 3 т. М., 2007. Т. 3. С. 16.

¹³ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 26.

¹⁴ См.: Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ См. там же. С. 28.

¹⁷ См.: Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2006. С. 222.

¹⁸ См.: Реутов В.П. Исследования по общей теории права: сб. науч. трудов. Пермь, 2015. С. 7.

¹⁹ См.: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.

²⁰ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2005. С. 160–168.

²¹ См.: Реутов В.П. Указ соч. С. 19.

²² См.: Палеха Р.Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1 (8). С. 61–72; Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7–8; Реутов В.П. Указ. соч. С. 9.

²³ См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 14–16.

²⁴ Лейст О.Э. Указ соч. Предисловие; Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 10; Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 211.

²⁵ Реутов В.П. Цит. соч. С. 9.

тически отрицают всякую связь между правовой наукой и правоприменением. Получается, что теория и практика существуют независимо друг от друга. По мнению В.П. Реутова, этот разрыв между правовой теорией и практикой может быть преодолен в далекой перспективе²⁶. Но если юридическая наука никак не связана с правотворчеством и правоприменением, не способствует более эффективной регуляции общественных отношений, спрашивается, для чего существует такая наука? Является ли в таком случае наукой то, чем занимаются ученые-юристы? Такая постановка вопроса определяется тем, что любое «научное познание необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность»²⁷. По авторитетному мнению академика В.С. Степина, главная особенность науки — ее нацеленность на изучение объектов, которые актуально или потенциально включены в деятельность человека, т.е. в практику²⁸. Если этого нет, то многочисленные публикации и вековые дискуссии ученых-юристов имеют такую же ценность, как тысячелетний спор средневековых схоластов относительно понимания сущности творца.

Как представляется, теория права — это исключительно прикладная наука, и, как таковая, она по определению не может быть безразлична к существующей социальной реальности. Далеко не случайно В.М. Сырых включает социально-политическую и правовую практику в объект правовой науки²⁹. На наш взгляд, смысл существования и развития науки о праве — разработка теоретических и методологических оснований для более совершенного правотворчества и более эффективного правопонимания. В конечном счете цель и задача правовой науки — обеспечить стабильное функционирование и развитие общества. Обстоятельное обоснование решающего воздействия правовой науки на многие стороны общественной жизни и государства дал В.М. Сырых, что избавляет автора этих строк от необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе³⁰.

Теоретическая неразбериха в понимании базовых правовых понятий и проблем обусловлена существованием в юридической науке неопределенности в понимании онтологических оснований права. В последнее время среди юристов как теоретиков, так и практиков все большее распространение получает интегральная теория правопонимания. Но, как справедливо отмечают ученые, эта теория «наталкивается на одно труд-

нопреодолимое препятствие — неясность с выбором основания, позволяющего рассматривать право как единое органическое целостное образование, систему»³¹. Фактически речь идет о необходимости выявления общих онтологических оснований права, что позволило бы сформулировать единую (интегративную) теорию правопонимания. Без разрешения этой проблемы искомая интегральная концепция представляла бы искусственную эклектическую конструкцию с ничтожной эвристической ценностью.

Дискурс онтологических оснований правопонимания хотелось бы предварить некоторыми соображениями относительно разногласий по поводу соотношения права и правопонимания. Как уже отмечалось, многие исследователи отрывают правовую теорию от правопонимания. Такой подход представляется спорным, и вот почему. Любая научная теория включает в себя (и одновременно опирается на) научную идею — исходную мысль, центральное положение концепции, объединяющее входящие в нее понятия, суждения, умозаключения, принципы в некоторую целостность. Научная идея не только интегрирующий фактор теории, но и лапидарное выражение ее сущности. Поэтому можно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «понятие (идея. — Л.М.) права — это сжатая юридическая теория», а «юридическая теория — это развернутое понятие права»³². Поскольку научная идея — это свернутая теория, она выражает не только ее сущность, но и определяет ее границы. В основе разных теорий права лежат разные идеи, маркирующие их границы. В качестве примера можно привести либертарную и легистскую концепции права, которые, на наш взгляд, опираются на разные научные идеи. Научная идея может выражать также весьма общие фундаментальные закономерности, и в этом случае она связывает ряд концепций в некую общую теорию или ряд дисциплин в отрасль науки. Скажем, такую функцию в философском наследии Гегеля играет идея развития, Маркса — идея человека и его свободы. В этом широком контексте идея права выражает сущность юридической науки в целом как полное систематизированное знание о праве и государстве³³. Научная идея, лежащая в основе научной теории, превращает последнюю в правопонимание. В этом аспекте научная идея выражает смысл правовой теории, определяет ее цели и задачи, предназначение и функции права и государства, их социальную ценность и особенность среди других институтов регуляции. Право по своей природе — это эмпирическая и при-

²⁶ См.: Реутов В.П. Цит. соч. С. 10.

²⁷ Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 105.

²⁸ См.: там же. С. 108.

²⁹ См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 38–39.

³⁰ См.: там же. С. 17–18.

³¹ Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. М., 2014. С. 3.

³² Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 27.

³³ См.: там же. С. 28.

кладная наука. Научную идею, превращающую правовую теорию в правопонимание, ученые-правоведы формулируют, опираясь на философию. В определенном смысле можно сказать, что она заимствуется из философии. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения ученых (В.С. Нерсесянц, В.П. Реутов и другие), которые увязывают типы правопонимания с определенными философскими воззрениями. В самом деле, нельзя не видеть, что истоки легистского правопонимания уходят в глубь веков в философию древнекитайских мыслителей Шан Яна (IV в. до н.э.), Хан Фэй-цзы (III в. до н.э.). Они были убеждены в злой природе человека и поэтому считали невозможным управление государством на основе конфуцианского принципа человеколюбия. Очевидно, что естественная и либертарная теории права опираются на иную философию и что особенно важно — на другие философские воззрения о человеке. Исходя из признания связи между типами правопонимания и философскими учениями, В.П. Реутов логично приходит к выводу о сложности создания единой интегративной концепции права, поскольку необходимым условием для этого является признаваемая всеми философская теория или научный метод³⁴.

Ниже будет предпринята попытка исследовать онтологические основания права, что, как представляется, является условием разрешения многих других дискуссионных проблем, и прежде всего разработки единой или интегративной теории права. Не претендуя на бесспорность своей точки зрения, полагаем необходимым отметить следующее. Если присмотреться к обществу, в котором мы живем, можно обнаружить, что в нем нет ничего, что не было бы результатом реализации определенных человеческих сущностных сил³⁵. Это касается всех феноменов общественной жизни, в том числе таких важных институтов человеческой цивилизации, как государство и право. Разные концепции правопонимания отличаются друг от друга разным подходом в объяснении содержания правовых отношений и в этом контексте разным пониманием источника права. Источник права рассматривается в данном случае не в юридическом, а в философском смысле как основа, носитель, причина возникновения феномена³⁶. Право же, согласно ученым, выступает как форма, обусловленная определенным содержанием³⁷. Понятно, что последнее у право-

ведов, придерживающихся разных мировоззренческих позиций, будет разным. У одних (В.М. Сырых, Л.С. Явич и другие), руководствующихся материалистической идеологией, в качестве содержания права выступают экономические отношения; у других (Л.И. Петражицкий, С. Тард, З. Фрейд), с противоположным мировоззрением, — феномены человеческой психики, сознание; у третьих (Р. Паунд, Д. Фрэнк, К. Ллевелин), опирающихся на философию прагматизма, — судебные решения и действия правительства. Можно ли обнаружить нечто общее в разных теориях права? Различное содержание, обуславливающее правовую форму, оказывается в конечном счете результатом реализации сущностных сил человека. И даже теологическая концепция, усматривающая в качестве источника права предписания Творца, не выходит за рамки указанного подхода независимо от того, дается ли богословская трактовка Бога как носителя всех (человеческих) совершенств (Р. Луллий), или материалистическая — как отчужденное бытие родовой сущности человека (Л. Фейербах, К. Маркс).

Анализируя точку зрения одного из отечественных правоведов, который выводил право из экономических отношений, С.С. Алексеев резонно замечает, «что спонтанно рождаемое право» во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда освящено государственной властью, санкционировано ей, так или иначе выражено в письменных актах — нормативного или индивидуального характера³⁸. Оставляя в стороне сложную проблему происхождения права, отметим, что после того как спонтанно возникающее право санкционируется и освящается государством, оно приобретает юридическое значение³⁹. Это приводит к изменению статуса и сущности права. Приняв нормативное выражение, право выходит за рамки индивидуальных решений конкретных дел. Теперь оно выступает как всеобщая воля и всеобщий регулятор общественных отношений. И в этой своей роли право оказывается юридическим выражением универсальной родовой сущности человека, ибо регулируемые правом общественные отношения являются результатом реализации различных человеческих сущностных сил. И чем более развита человеческая сущность, тем более разносторонней оказывается человеческая деятельность, тем более развитым должно быть право, регулирующее эту деятельность.

Право лишь формально представляет всеобщую волю общества. В действительности это воля господствующего класса, возведенная в закон⁴⁰. В этом своем качестве право есть юридическое выражение отчужденного бытия универсальной

³⁴ Реутов В.П. Цит. соч. С. 8.

³⁵ См.: Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2015.

³⁶ Источник права в разных теориях правопонимания трактуется по-разному. См.: Поляков А.В. Источник права и нормативность: соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М., 2008. С. 91–101.

³⁷ См.: Сырых В.М. Материалистическая теория частного права. С. 26.

³⁸ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 43.

³⁹ См.: там же. С. 43.

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

родовой сущности человека. Исторический процесс есть выражение развития отчужденной родовой и индивидуальной сущности человека⁴¹. Отчужденное бытие родовой и индивидуальной сущности человека, на наш взгляд, является онтологическим (антропологическим) основанием правового нигилизма как в национальном, так и международном праве.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Содержание определяет форму, но форма, как известно, не безразлична к содержанию. Она может сдерживать развитие содержания и, наоборот, давать простор его развитию. Поскольку содержание права (независимо от его трактовки) есть результат реализации сущностных сил человека, можно сказать, что критерием эффективности права и проводимых в этой сфере реформ является развитие человека и человеческого общества (индивидуальной и родовой человеческой сущности). Право, дающее простор для самореализации способностей человека и удовлетворения его растущих потребностей, оказывается формой бытия свободы, «библией свободы» (Маркс). Как нормативная форма бытия свободы человека право само по себе представляет важную социальную ценность. Поэтому такое право порождает законоодобряющее и законопослушное правовое сознание. Право в своем проявлении имеет пассивный и активный характер. Как форма бытия свободы, право носит пассивный («спящий») характер. Свою активность оно проявляет тогда, когда возникают факторы, ограничивающие (или препятствующие) воспроизводство и развитие индивидуальной и родовой сущности человека. Когда это происходит? Во-первых, тогда, когда индивиды нарушают нормы права. В этом случае право в форме общеобязательного закона получает практическое воплощение через деятельность правоприменительных органов, блокируя превращение гарантированной свободы во вседозволенность. Оберегая общество от саморазрушения, право создает и сохраняет относительно устойчивую систему отношений, в рамках которой происходит производство и воспроизводство общества (человеческого рода) как целостной системы. В этой своей роли право представляет инструментальную ценность. Во-вторых, право дает знать о своем существовании, когда начинает сдерживать, тормозить развитие сущностных сил человека. Это проявляется в возникшем несоответствии между действующим правом (формой) и существующими общественными отношениями (содержанием). В таких условиях резко снижается эффективность регулятивной, интегративной, воспитательной и других функций права. Право,

ограничивающее развитие сущностных сил человека, теряет в его глазах свою ценность. Низкий статус права порождает в обществе по большей части правонарушающее правосознание, которое получает свое практическое выражение в правовом нигилизме.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Форма в философии понимается не только как способ выражения содержания, но и как структура — относительно устойчивая связь между элементами. Если элементами общества являются социальные индивиды и группы, то «связующим обществом «клеем», строго равномерно распределенным между составляющими общество индивидами, — Право»⁴². В современных демократических государствах право имеет характер общеобязательного закона и признает равенство всех перед законом. Очевидно, что онтологическим основанием указанных принципов является единство родовой сущности людей. Оно определяет однородность и изотропность правового пространства в социально неоднородном обществе. Конечно, право само по себе не устраняет неоднородность социального пространства. Но общеобязательный характер права, формальное равенство всех перед законом, постоянно поддерживаемая однородность и изотропность пространства блокирует возникновение в обществе опасных напряженностей и центробежных тенденций. Словом, право юридически уравнивая разных по своему социальному статусу и роли в общественной жизни людей, объединяет их в социально-политическую целостность, в рамках которой оказывается единственно возможным воспроизводство и развитие родовой жизни цивилизованного человека. Таким образом, эффективно функционирующее право центрировано на человека, оно является условием и фактом развития родовой и индивидуальной человеческой сущности. В свою очередь, человек есть субъект, объект, а в конечном счете основа и причина сущности права. Другими словами, человек, его социальная сущность есть субстанция права. Исторический процесс, сопровождаемый развитием родовой и индивидуальной сущности человека, способствует постепенному преодолению отчуждения между ними, что приводит к гуманизации права. Это означает также то, что универсальные идеи, принципы естественного права обретают реально осязаемую плоть позитивного права. Признание человека высшей ценностью в качестве базовой нормы конституционного права является конкретным примером такого воплощения.

Итак, различные концепции права имеют общее онтологическое основание, на базе кото-

⁴¹ Мусаелян Л.А. Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.

⁴² Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 168.

рой и возможна разработка интегративной теории права. Она фактически будет являться новой единой теорией правопонимания, опирающейся на идею человекообразности права. Мирозренческим основанием такого правопонимания является современный антропоцентризм, признающий человека высшей ценностью.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 565 с.
2. Беляева Л.А. Преодоление напряжений социального пространства — путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22.
3. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. С. 288.
4. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
5. Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // СоцИс. 2014. № 1. С. 10–18.
6. Иконников Г.И., Лященко В.П. Философия права. М.: Гардарики, 2007. 303 с.
7. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. С. 107–438.
8. Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3–14.
9. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
10. Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–33.
11. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Журнал экономической теории. 2007. № 1. С. 76–95.
12. Малько А.В. Каким быть законам XXI века?: По материалам науч.-теоретич. конф., посвящ. 75-летию ИЗиСП // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 16–49.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 419–459.
14. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.
15. Марченко М.Н. Источники права. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 760 с.
16. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2015. 421 с.
17. Мусаелян Л.А. Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: междуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.
18. Магузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2005. 400 с.
19. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 552 с.
20. Палеха Р.Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1 (8). С. 61–72.
21. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7–8.
22. Поляков А.В. Источник права и нормативность: соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. С. 91–101.
23. Примakov E. 2013: тяжелые проблемы России // Росс. газ. 15 янв. 2014. URL: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html>.
24. Реутов В.П. Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. Пермь, Изд-во Пермского ун-та, 2015. 270 с.
25. Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003.
26. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
27. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 464 с.
28. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 3 т. М.: Юрисинформ, 2000. Т. 1, Т. 3. 528 с., 512 с.
29. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
30. Тарлавский В. Богач, бедняк. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745>.
31. Червонюк В.И. Теория государства и права. М.: Инфра-М, 2009. 704 с.
32. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004.

On the worldview pluralism, competing theories of law and the elaboration of a unified integrative theory of law: philosophical analysis of the problem

Musayelyan L.A.,

Doctor of Philosophy,

Professor of Department of Philosophy Perm State University

E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Abstract. Philosophy has historically served as metatheory of law. The world view prevailed in every age has determined legal consciousness and law enforcement. Abolition of the state ideology in the early 1990s in Russia apart from the recognized positive effect had some negative implications. During this period it was possible to observe the following phenomena: origin of many competing theories of legal consciousness, disappearance of a single legal space, spreading of the selective right that violates of equality of citizens before the law and the principle of justice. The lawyers' idea of integrative theory of law turns out to be impractical because of the lack of a generally recognized basis of law. The author attempts to show, that the unified ontological basis of law exists. The institutionalization of such a basis allows solving complex problems connected with modern legal consciousness and law enforcement.

Keywords: philosophy, democracy, justice, freedom, person, legal theory, legal consciousness, legal space, ontological basis of law.

References

1. Alekseev S.S. Obschaya teoriya prava. M.: TK Velbi; Prospekt, 2008. 565 s.
2. Belyaeva L.A. Preodolenie napryazheniy sotsialnogo prostranstva — put k konsolidatsii obschestva // Filiosofskie nauki. 2014. № 6. С. 8–22.
3. Bzhezinskiy Z. Strategicheskiy vzglyad. Amerika i globalniy krizis. M.: AST, 2015. S. 288.
4. Voplenko N.N. Ocherki obschey teorii prava. Volgograd: Izd-vo VolGu, 2009. 898 s.
5. Zarubina N.N. Vzaimnoe uvazhenie v povesdnevnoy zhizni rossiyan // Sotsls. 2014. № 1. S. 10–18.
6. Ikonnikov G.I., Lyaschenko V.P. Filosofiya prava. M.: Gardariki, 2007. 303 s.

7. Kant I. *Metafizika нравов* // Kant I. Soch.: v 6 t. M.: Myisl, 1965. T. 4. S. 107–438.
8. Lazarev V.V. *Poisk prava* // Zhurnal rossiyskogo prava. 2004. № 7. S. 3–14.
9. Leyst O.E. *Suschnost prava. Problemy teorii i filosofii prava*. M.: IKD «Zertsalo-M», 2002. 288 s.
10. Lukasheva E.A. *K voprosu o pravoponimani: osnovnyie kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii (po materialam kruglogo stola v Tsentre teorii i istorii prava i gosudarstva IGP RAN)* // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 5. S. 5–33.
11. Lvov D.S. *Rossiya: ramki realnosti i kontury buduschego* // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. 2007. № 1. S. 76–95.
12. Malko A.V. *Kakim byit zakonom XXI veka?: Po materialam nauch.-teoretich. konf., posvyasch. 75-letiyu IZiSP* // Zhurnal rossiyskogo prava. 2001. №3. S. 16–49.
13. Marks K., Engels F. *Manifest kommunisticheskoy partii* // Soch. T. 4. S. 419–459.
14. Martyishin O.V. *Sovmestimyi li osnovnyie tipyi ponimaniya prava* // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 6. S. 13–21.
15. Marchenko M.N. *Istochniki prava*. M.: TK Velbi; Prospekt, 2005. 760 s.
16. Musaelyan L.A. *Nauchnaya teoriya istoricheskogo protsessa: stanovlenie i suschnost*. Perm: Izd-vo Permskogo universiteta, 2015. 421 s.
17. Musaelyan L.A. *Stanovlenie kontseptsii istoricheskogo protsessa i problema otchuzhdeniya rodovoy suschnosti cheloveka* // *Novyie idei v filosofii: mezhev. sb. nauch. trudov*. Perm, 2002. Vyip. 11. S. 60–81.
18. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava*. M.: Yurist', 2005. 400 s.
19. Nersesyants V.S. *Obschaya teoriya prava i gosudarstva*. M.: Norma: Infra-M, 2000. 552 s.
20. Paleha R.R. *Integrativnaya kontseptsiya pravoponimaniya kak metodologicheskaya paradigma prava* // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1 (8). S. 61–72.
21. Polyakov A.V. *V poiskah integralnogo tipa pravoponimaniya* // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2003. № 6. S. 7–8.
22. Polyakov A.V. *Istochnik prava i normativnost: sootnoshenie ponyatiy* // *Istochniki prava: problemy teorii i praktiki*. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2008. S. 91–101.
23. Primakov E. 2013: tyazhelye problemy Rossii // *Ross. gaz. 15 yanv. 2014*. URL: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html>.
24. Reutov V.P. *Issledovaniya po obschey teorii prava: sb. nauch. tr.* Perm, Izd-vo Permskogo un-ta, 2015. 270 s.
25. Senderov V.A. *Totalitarnoe myishlenie v Rossii i Karl Shmidt* // *Voprosyi filosofii*. 2014. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003.
26. Stepin V.S. *Filosofiya nauki. Obschie problemy*. M.: Gardariki, 2006. 384 s.
27. Syiryih V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki*. M.: Norma: Infra-M, 2012. 464 s.
28. Syiryih V.M. *Logicheskie osnovaniya obschey teorii prava: v 3 t. M.: Yuristsinform, 2000, 2007*. T. 1, T. 3. 528 s., 512 s.
29. Syiryih V.M. *Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava*. M.: Yurlitin-form, 2014. 552 s.
30. Tarlavskiy V. *Bogach, bednyak*. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745>.
31. Chervonyuk V.I. *Teoriya gosudarstva i prava*. M.: Infra-M, 2009. 704 s.
32. Shafirov V.M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo. Vvedenie v teoriyu*. Krasnoyarsk, 2004.